

Мой Иультин ...

Август 1959 года, перрон Ярославского вокзала Москвы, отъезд 4-х молодых специалистов на Чукотку – Саша Жаворонкова, Валя Ковалева, Яков Бейлинсон и я...

Позади сомнения, позади озабоченные рекомендации комиссии МИНХ им. Г. В. Плеханова по распределению. Надо дважды подумать о целесообразности принятого нами решения (все-таки Чукотка, система Чукотторга, такая далекая и такая малоизвестная). Позади вакханалии моих родителей и многочисленной родни, устроенная ими при посадке в вагон, которые до самой последней минуты пытались сорвать мой отъезд из-за Саши ...

Победила любовь. Поезд тронулся, мы все в одном купе, собраны мои огромные картонные чемоданы, рассованные по разным вагонам сочувствующим родственником – дядей Сашей (Хамзя-абзи). Впереди – неделя паровозной тяги до Хабаровска

За окном вагона проплывают города, станции, полустанки, разъезды. Много знакомо (два года тому назад, когда в Москве бушевал и звонко веселился всемирный фестиваль молодёжи, мы с Яковом Бейлинсоном несколько суток тряслись в телячьем вагоне студенческого эшелона – ехали осваивать казахстанскую целину).

Десятки новых романтических знакомств. Август. Дальневосточники и северяне массово возвращаются из длительных, до полугода, отпусков. Много детей – скоро в школу.

В вагоне по-настоящему теплая семейная обстановка. Люди с радостью и абсолютной уверенностью в завтрашнем дне возвращаются домой, на любимую работу, утомленные, скорее даже, уставшие от отпуска.

И мы уже не нищие студенты, мы – молодые и весьма обеспеченные молодые специалисты. Я еду работать в должности старшего товароведа Иультинской рейторгконторы Чукотторга с окладом 1350 руб. Для сравнения – стипендия на последнем курсе – 220 руб. Обед в студенческой столовке – 70 копеек .

А нам выдали: подъемные в размере месячного оклада, насчитали зарплату в пути, суточные и еще, уже не помню какие-то северные доплаты. Деньжищ у каждого в нашем купе – хоть учреждай коммерческий банк .

Вспоминается забавный эпизод. В те годы в студенческой среде было повальное увлечение карточной игрой.

В нашей общаге играли «в очко» и иногда проигрывались вдребезги .

Сложив все наши капиталы и поделив их поровну мы решили понарошку «банконуть». Через полчаса на столике громоздился ворох банкнот. Сторублевая купюра тех лет была величиной с половину машинописного листа. Ворох впечатлял ...

Вечерело ... Время традиционного вечернего чая. Раздвигается незапертая нами дверь купе. Пожилая проводница с чаем на подносе. Немая сцена и к перестуку колес добавляется звон разбитых стаканов , скользящих по подносу на пол... (сегодня «работают» бесчисленное множество наплодившихся «исследовательских» центров, поскольку руководство страны обеспокоено пустующим Дальним Востоком и уже совсем опустевшим Крайним Севером . А в 50-е – 60 – е годы такой проблемы не было.)

Чем ближе к Байкалу, тем настойчивее разговоры и рекомендации – где встать и в какие окна смотреть , чтобы увидеть высеченный на скалах барельеф И. В. Сталина .

Как мы ни старались , никто из нас так его и не увидел . Видимо , к тому времени от барельефа остались только легенды .

На всю жизнь запомнилась бескрайняя бархатно-изумрудная тайга. Почему -то не было видно пожаров , горелых падей и следов человеческого хищничества.

Впоследствии, в силу обстоятельств, мне часто приходилось летать над этим «зеленым морем тайги».

Хабаровск – чистый , тихий , малолюдный , очень зеленый и какой-то весь патриархальный на берегу спокойного, могучего и величавого Амура. Хабаровск.... Здесь «бутылочное горлышко». Нам надо до Анадыря .

Самый эксплуатируемый ИЛ -14. Два рейса в сутки . Это около 80 человек. А желающих тысячи. Стояние в очередях , ночные дежурства у аэрокасс , ночлег

, как сейчас помню, на ул. Красноармейская, у сердобольной бабушки совершенно бесплатно .

Мы промучились в томительном ожидании еще неделю. Наконец, впервые в жизни – борт ИЛ – 14, гудящие моторы, в иллюминаторе край земли, океан. Посадки и дозаправки в Николаевске, в Охотске.

Ну вот, наконец, и Анадырь. Аэропорт на горке, на высоте 300 м над уровнем моря .

Теперь надо было спуститься к берегу лимана. Короткими челночными переходами мы вчетвером перетащили наш немаленький багаж. Перед нами зеркальная гладь лежащего в штиле Анадырского лимана, августовский зной Чукотки , полярный день и мириады комаров. Их столько, что даже трудно дышать . На том берегу лимана Анадырь – столица Чукотки , там главная контора Чукотторга. Нам туда. А как ? Метрах в 100 от берега на рейде застыл в зеркальной глади небольшой катер, но без каких либо признаков жизни ... Съедаемые насмерть огромными комарами, мы пытались докричаться до обитателей катера, сознавая, что это единственная возможность перебраться через лиман.

Часа через три или может быть более того, из чрева этого корабля появился человек, пересел в микроскопический ялик и подплыл к нам. «Вы что-ли в Чукотторг ? – были его слова ... Перебравшись несколькими рейсами на борт катера, мы пошли на Анадырь в сопровождении огромных любопытнейших и белух, которые в это время года кормятся в обильную путину лососевых .

Оказалось, что чукотторговский катер давно поджидал нас на рейде – не таким уж малозначительным событием был многочисленный десант молодых специалистов в контору .

Пошептавшись с Яковом, решили старшину катера отблагодарить . Сложив 50 рублевую портянку в несколько раз я попытался вручить . «Убери свою денежку, мальчик» – услышал я в ответ на нашу неуклюжую попытку. Это был лишь смысловой перевод фразы старшины. Реально он выразился более неформально и эмоционально: его реакция выражала суть человеческих отношений северян тех времен ...

Сутки в Анадыре, кадровые формальности. И наш вагонный квартет распадается . Валя Ковалева в Певек – райцентр Чаунского района, Яков

остается в Анадыре, и мы с Сашей Жаворонковой, почти уже молодой женой, в Эгвекинот – районный центр Иультинского района.

АН – 2 заходит на посадку со стороны моря в каменный мешок из высоченных серых сопок . Залив Креста, бухта Эгвекинот. Слева по борту на склоне сопки аккуратно спланированные строения, с высоты все вполне даже цивилизно, это вдохновляет. На небе ни облачка, ярко светит солнце, по выражению полярных летчиков видимость : «мильён на мильён». Здесь нас тоже ждали, но далеко не всегда радушно .

Первые слова наутро на знакомстве с директором Иультинской Райторгконторы Чукотторга из уст Фокина Федора Павловича : «Что подсиживать меня приехали ?» Слово ушат холодной воды ...

В тот же день были смотрины гарантированного молодым специалистам жилья....

Аккуратно выглядевшие с высоты полета строения оказались дюжиной вкопанных в каменистый грунт лагерных барачков , в которых до недавнего времени обитали заключенные лагеря .

Почти метровой толщины стены , сложенные из дикого камня , затхлый , дурно пахнущий коридор , весь в утепленных какими- то лохмотьями дверях. Входим в отведенную нам «комнату» размером 3X2, под потолком окошечко с еще не снятой решеткой, слева остов железной ржавой кровати, стол с горкой заплесневелых вилок и ложек, и «буржуйка», выведенная двумя ржавыми коленцами в окно

Прямо скажу, восторга эта недавняя камера не вызвала .

За неделю комсомольцы РТК Чукотторга соорудили из заброшенного сарая вполне приличную и пригодную для проживания «шхуну». Так было принято называть такое жилье. Так жила подавляющая часть населения тогдашнего Эгвекинота. Сюда принесли мы и нашего первенца – в мае 1960 года родилась моя старшая дочь Нэля .

На этой стройке мы сдружились и уже осенью начался отсчет моей комсомольской жизни – меня избрали секретарем первичной организации из 12 человек , а через пару месяцев – штатным секретарем Иультинского РК ВЛКСМ.

В 22 года – велико желание сделать как можно больше ... Первая служебная командировка в Иультин. Недавно выстроенный в Заполярье горно-обогатительный олово-вольфрамовый комбинат, поселок городского типа, благоустроенные общежития для молодежи, квартиры в аккуратных двухэтажных домах с центральным отоплением и ванными. Это впечатляло. Комсомольская организация свыше 300 человек с правами райкома .

Выполнив свои рутинные обязанности товароведа, ищу возможность быть полезным комсомолу, который оказал мне столь высокое доверие.

Километрах в 15-ти от Иультина на месторождении Светлое работает геолого-разведочная партия. Туда сегодня идет транспорт – бульдозер С-100, который тянет волокушу . Такое треугольное сооружение, груженное балластом из камней, которое приглаживает снежный зимник и схваченный потом морозом этот зимник держит даже груженный грузовик.

Но в самый последний момент возникает женщина с ребенком , которая добирается на Светлый к мужу. Приходится уступить место в кабине. Но уже нельзя повернуть вспять. Не меньше трех часов шел я за волокушей в свете задней фары бульдозера, иногда взбираясь на заснеженные бревна, чтобы чуть передохнуть .

Встреча, знакомства, горячий чай, тушенка с сухой картошкой, спирт и, наконец, «аудитория» из 10 – 12 человек. При свете двух керосиновых ламп читаю в теплом вагончике около гудящей буржуйки текст – ксерокопию «Годовщина Кубинской революции». На дворе январь 1960 года. Должен сказать, что «лекция» имела успех у благодарных слушателей.

На обратном пути взяли на прицеп грузовик и уже на прямой видимости поселок Иультин. Брезжил серый рассвет полярной ночи... Мой водитель начал от усталости и принятого «сугрева» засыпать и заваливаться на меня . Пришлось на практике освоить навык вождения трактора .

Я не был, как мне кажется, карьеристом, не рвался в комсомольские лидеры. Честно и в полном объеме отрабатывал обязанности молодого специалиста на основной работе . Но с места в карьер. В первые трудовые недели в Чукотторге меня назначали ответственным за разгрузку теплохода «Амгуэма» , который с генгрузом северного завода прибыл в Эгвекинот . Требовалась срочная выгрузка, все дышало приближающийся зимой. Трое суток, почти без сна, пришлось обеспечивать работу по выгрузке продовольствия, овощей , фруктов из четырех трюмов . Я бы на месте

руководства не стал доверять такую роль совсем неопытному юнцу... Может это была попытка директора дискредитировать меня на корню и отбить желание «подсидеть» его . Но мне удалось справиться с поручением, и это добавило авторитета . Кстати, Чукотку в те времена снабжали по самому высокому разряду: высочайшего качества твердокопченые колбасы, прекрасно упакованные яблоки, китайские мясные консервы, в огромных дубовых бочках молдавские вина, армянские коньяки ...

В ноябре 1961 года меня избирают 1-м секретарем Иультинского РК ВЛКСМ. Я понимал всю ответственность, которая свалилась на меня. В районе около полутора тысяч комсомольцев. Это горняки, геологи, транспортники, строители, оленеводы , звероводы, врачи, учителя, наконец, немалая прослойка, как теперь принято говорить, «чиновничьего планктона». Свою задачу в новой роли я видел в том, чтобы повседневно усиливать роль и участие комсомольцев и молодежи в повседневной хозяйственно-экономической и социально-культурной жизни района .

Что-то стало получаться. Наладили ежедневное комсомольское радиовещание. К новому году на центральной площади – пустыре Эгвекинота впервые в его истории залили каток, оборудовали освещение, радиотрансляцию, воздвигли из железа и тундрового стланика елку. Весь поселок был здесь в новогоднюю ночь 1962 года .

Главным в те годы считалась организация комсомольско-молодежных бригад. Это было не сложно, везде трудились преимущественно молодые люди до 30-35 лет. Именно они и были основой влияния комсомола. Мы старались вникать во все детали и тонкости повседневной жизни всего района .

Вспоминаю командировку в комсомольскую организацию ДРСУ – дорожно-ремонтно-строительное управление на 87 км трассы Эгвекинот – Иультин. Относительно благоустроенный поселок с постоянным электроснабжением, а рядом, в 4-х километрах, центральная усадьба оленеводческого совхоза «Амгуэма» – на дизельном генераторе и керосиновых лампах .

Собрание комсомольцев принимает решение – протянуть ЛЭП в совхоз в порядке шефской помощи. Не буду утруждать деталями, но через 3 месяца в совхозе было постоянное электроснабжение .

Ядром районной комсомольской организации была комсомолия Иультинского ГОКа. Именно ей уделялось самое пристальное внимание райкома – условия труда, быта, досуга, снабжения. Во все надо было вникать.

Да, снабжение Чукотки обеспечивалось по первой категории. Но далеко не все было просто. Не хватало овощных и фруктовых витаминов, даже элементарно куриного яйца .

В 13 километрах от Эгвекинота в поселке Озерный работала ЭРЭС – эгвекинотская районная электростанция.

Поселок, в полном смысле слова, «чистый до безобразия», трудится коллектив коммунистического труда. Так было. Я пока живой свидетель этой реальности. Но рядом, буквально в километре, располагался детский противотуберкулезный санаторий. В те годы эта болезнь была серьезной проблемой Чукотки . Помню, меня поразила гора из несъеденной манной каши на помойке .

Вызовет улыбку и даже может быть смех лозунг магаданской комсомолии тех лет: «Яичницу на каждый стол – твоя задача комсомол!»

Бюро райкома . Задача соорудить курятник в санатории. Володе Медведеву – инженеру Эгвекинотского морпорта, одному из представителей элиты моего райкома, поручение доставить сотню кур – несушек из совхоза «Дукча», что в пригороде Магадана .

Курятник, конечно, заработал. В рационе несчастных ребятишек появился новый, вкусный и полезный, незнакомый для них продукт. И уже больше не было необходимости поштучно распределять по лечебным и детским учреждениям изредка доставляемое в райцентр из Магадана яйцо в фанерных бочонках, пересыпанное опилками .

Но по сей день я чувствую перед Володией некоторую неловкость за доставленные хлопоты. Переправить живой груз с многочисленными пересадками и перегрузками – это был своеобразный благородный подвиг .

Вспоминаются два эпизода и оба весьма курьезные.

Однажды напросился вместе с бригадиром комсомольско-молодежной бригады Толей Скопиным отработать смену в забое. По восстающим деревянным лестницам вскарабкался на какой-то там по счету горизонт. Шло бурение шпуров под взрывчатку. Вся гора гудела от работающих буров. Сломал

в неловких попытках пару коронок, я был отправлен Толей на откатку, т.е. работу лопатой в согнутом в три погибели положении. Мой горняцкий практикум кончился тем, что я в своей непривычной, да к тому же по тем временам очень допотопной амуниции, застрял в какой-то расщелине и потерял болтавшийся на ремне тяжеленный аккумулятор. Обошлось, достоял вахту, а после еще и славно помылись в быткомбинате ГОКа.

Такие «куръезы» сближали людей, создавали атмосферу дружбы и полного доверия.

Другая командировка в Иультин совпала с завозом вместе с тоннами продовольствия и стройматериалов, большой партии советского шампанского. Наутро вместе с директором ГОКа Азбукиным Евгением Васильевичем, который заехал за мной в гостиницу, мы пошли будить и расталкивать «мой комсомол», чтобы не сорвать очередную смену на руднике и обогатительной фабрике. Коридоры общежития были заставлены плотными рядами бутылок из под шампанского. Разбор полетов был на полном серьезе, вплоть до угрозы исключения из комсомола.

С грустью сегодня вспоминаются бескрайние просторы Чукотки: поселки Ушаковский и Сомнительный на о. Врангеля, мысе Шмидта, Рыркайпий, Ванкарем, Нутэпельмен, Конергино, Уэлькаль, Амуэма. Во всех этих поселках жил и действовал комсомол.

Везде посчастливилось побывать, понять и вникнуть в быт и специфику малых народов Севера. Понять их безбрежную доброту, доверчивость, наивность, природные мужество и выносливость.

Однажды из управления Севморпути в Иультинский райком партии приходит тревожная депеша о кризисной ситуации на полярной станции о. Врангель. Укомплектована станция преимущественно «лаушниками» – выпускниками Ленинградского арктического училища. 8 молодых мальчишек-комсомольцев, а весь состав станции – всего-то их человек 12-15. Секретарь комсомольской организации – Виталий Шенталинский. И он во главе неизбежно в таких ситуациях возникшего любовного треугольника. Меня командирует на остров райком партии. Все объясняется особым вниманием к полярникам, это особая категория, это особая каста даже в среде северян. А там дело дошло уже до стрельбы и угроз убийства. Рейс Эгвекинот – Иультин – м. Шмидта. Надо ждать двухмоторный ЛИ-2. Через пролив Лонга на остров

Врангеля можно только на двухмоторном . За сутки с соответствующими указаниями из партийных органов удастся улететь.

Посадочная полоса поселка Сомнительный. Здесь базируется войсковое подразделение аэродромно-технического обеспечения. Все всерьез, но достаточно малоллюдно. Я попадаю в гостеприимные объятия командира батальона, капитана, родом с Кавказа. Ему «по барабану» проблемы полярников. В кои-то веки аж целый секретарь райкома. Мы с ним почти ровесники. И пока я не провел несколько встреч в казармах с молоденькими солдатыками и пока мне удалось убедить «офицерское собрание» в том, что мне надо в пос. Ушаковский , на полярную станцию...

Прошло еще около двух суток. Но в итоге меня с комфортом доставили на вездеходе в поселок Ушаковский, что в 60 км от бухты Сомнительной. Я далек от того, чтобы преувеличивать свою роль в разрешении этого драматического любовного конфликта. Думаю, что просто новый человек, появившийся в этом замкнутом пространстве, отвлек внимание, взломал это синдром . Мы вместе с ребятами запускали аэрозонды, вместе работали на объявляемых авралах, вместе общались обо всем на свете в каюткомпании станции, вместе заготавливали снег для камбуза и вместе питались.

Здесь было глупо проводить собрания и объявлять кому-то из этих ребят порицание. Я был там 10 дней, жил и работал с этими замечательными ребятами (пару месяцев тому я случайно узнал о том, что Виталий Шенталинский , с которым в далеком 1962 году на о. Врангеля мы подружились, отстояли ночную радиовахту на легендарной радиостанции знаменитого полярника Кренкеля, скончался, не дожив немного до 80 лет).

Он ушел из жизни романтиком, журналистом, всемирно известным писателем, но оппозиционером и критиком всего «совкового»... Мне не довелось с ним поспорить и напомнить ему как совпадали наши идеалы...

К сожалению, наши судьбы после встречи на о. Врангеля никогда не пересекались. О многом можно было бы поспорить. Но всю жизнь я считал этого парня в тельняшке с бородой и трубкой на фоне портрета Э. Хемингуэя своим заветным другом .

Почти после двух недель жизни с полярниками надо было возвращаться. Более опрометчивого решения ни до, ни после в моей биографии я не припомню. По каким-то причинам за мной не прислали вездеход из батальона с Сомнительной . А уже невыносимо надо домой. В те времена на острове

помимо военных и полярников вполне успешно процветал оленеводческий совхоз «Рассвет Севера», звероферма очень даже симпатичных чернобурых лисичек. Олени этого совхоза были самыми крупными и упитанными на всей Чукотке .

Ребята – полярники познакомили меня с дядей Васей Нанауном – эскимосом, который работал еще вместе со знаменитым полярником Ушаковым. Он, кстати, похоронен по его завещанию на о. Врангеля . С этим каюром на нарте в упряжке из 8 собак я и отправился домой . Читатель, хоть чуточку знакомый с северной экзотикой, поймет, что это такое – бежать десятки километров рядом с нартой, изредка садясь чтобы перевести дух. И всю «дорогу» леденящий душу страх – о. Врангеля по праву зовется родильным домом белых медведей – по чукотски Умкилир ... Сегодня кроме них и завезенных туда в 70-е годы овцебыков, да еще лежбищ моржей, нет не единой живой души, если не считать 2-х – 3-х «робинзонов», живущих там на непонятных правах.

Десятки, сотни километров пройдено и изъезжено по тундровым и таежным тропам .

Я не смогу однозначно и без раздумий ответить на вопрос – зачем, с какой целью , чего ради мне понадобилось уйти на допотопных лыжах с дистанции 187 км в Иультин . Прошагать 20 километров в звенящей тишине полярной ночи. Объясняю. Надо было успеть на комсомольское собрание , надо было вручить грамоты и вымпелы победителям соревнования комсомольско-молодежных бригад.

Даже мне самому сегодня, в канун 100 летия ВЛКСМ, это кажется абсурдным. Но мы так думали, мы так жили, мы так поступали, мы этим гордимся.

Не имею права умолчать. В Эгвекиноте базировалась ВЧКЭ – восточно – чукотская комплексная геолого – разведочная экспедиция. Ее начальником был «старик» лет сорока – Гарань В. В. А в составе экспедиции – до 30 мальчишек, все выпускники университетов и институтов Москвы, Ленинграда, Кишинева, Новосибирска.

Эти мальчишки из каждого своего похода в «поле» с марта по ноябрь ежегодно вносили в госказну десятки и сотни тонн драгметаллов (до сих пор еще никак не можем все это расторгнуть зарубежным партнерам или «друзьям»). Недавнее, освещённое СМИ, трагикомическое событие – из

ржавого брюха поспешно взлетающего самолета высыпались тонны золотых и серебряных слитков . Как это похоже на сюжет о ворах-карманниках...

Ребята после «поля» сошлись на комсомольском собрании . Они не просто имели право на свое мнение о жизни , они сами были фундаментом этой самой жизни. В споре на собрании разговор перекинулся на право Н. С. Хрущева судить об искусстве художников и скульпторов . Мальчишки высказались эмоционально, может быть слишком ...

Около полуночи раздался звонок секретаря комсомольской организации – Володи Северинова : «Слав, у нас тут такая свалка – приходи»... Я не пошел ... Утром, чуть сравнились часовые пояса, у меня в кабинете раздался звонок. Первый секретарь Магаданского обкома комсомола Вадим Савченко в очень непарламентских выражениях , со свойственным ему темпераментом сказал мне все, что он думал или обязан был думать по этому поводу. Однако, успели доложить . Суть сегодня не в деталях более чем полувековой давности событий. Я стопроцентно вместе с моими друзьями – геологами. Но всю жизнь эти события были аккомпанементом моей биографии.

Даже в 1974 году, когда после успешной защиты кандидатской диссертации в АОН при ЦК КПСС я мог остаться в Москве после утомления Севером, мне это «откуковалось» .

«А вот у него была история ...» Как в том расхожем и затасканном анекдоте «с шубой» – то ли он украл, то ли у него ...

Я не в претензии ... Мы так жили ... Я горжусь дружбой с этими замечательными парнями .

Прискорбно лишь то, что добытыми их трудом богатствами пользуются сегодня единицы разжиревших особ , как бы замысловато не назывались их роли в обществе . А времени на их ликвидацию у нас не осталось ...

«Трасса» Эгвекинот – Иультин строилась долго, тяжело и трудно. Сотни, а может быть тысячи «зеков» лежат в полотне этой дороги жизни . Многократно проезжая и проходя этой «дорогой», я всегда удивлялся доброте , бескорыстию и самоотдаче людей , которые работали на «дистанциях». Наверное это были «останцы» Гулага . Они, тем не менее , были грамотно обустроены через каждые 15-20 километров трассы.

Здесь можно было не только обогреться, но и вкусно, по домашнему , покусать, заночевать из за пурги, которая могла бушевать несколько дней и полностью затромбовать дорогу плотными сугробами .

На каждой дистанции работали семьями. Как правило 4-5 человек . Тепло , уют, цветы и даже вызревшие лимоны. Никакого лагерного духа или даже отголосков его .

Люди жили трассой, обеспечивали селекторную связь, отслеживали движение транспорта , помогали застрявшим в пути , которых было не мало . Все перевозки осуществлялись маломощными тупорылыми ЗИС – 130, которые проседали в сугробы зимника после малейшей пробуксовки .

.....

Посоветовавшись на бюро райкома мы решили создать агитбригаду и пройти всю трассу на лыжах с остановками – «концертами» и ночевками на десятке дистанций . Свой поход мы посвятили XXII съезду КПСС.

В агитотряде 9 человек. Есть аккордеонист, врач, спортивный инструктор. Все всерьез. В репертуаре: куплеты, стихи, частушки, сценки из комических спектаклей. Одним словом – кто что мог (думаю, это было не хуже нынешних Петросьяновских телепосиделок). «Публики», подчас, было меньше, чем исполнителей . Неделю мы шли на лыжах в сопровождении автотеплушки. Популярность и молва о нашей бригаде росла как снежный ком по мере движения к Иультину .

Заключительный «концерт» в доме культуры. Зал переполнен. Успех оглушительный!

С тех пор прошло почти 60 лет ... Страну потрясли жуткие катастрофы. Вместо развитого социализма и новой исторической общности людей – «советский народ» мы получили бандитскую экономику, которую за четверть века потихоньку сами же и легализуем .

Теперь уже вроде так и должно было быть. Вскормленный какими-то слоями общества строй, основанный на частной собственности. Но ведь эта «собственность» сложилась не в процессе изнурительного зарабатывания, а в ходе грабительского перераспределения госсобственности. Меня коробит от идиотских заставок на телевидении, когда Газпром пытаются представить «народным достоянием».

Наш современный социально-экономический уклад исковеркан тектоническими воздействиями на работу, быт и умы людей.

Если мы пытаемся все наши действия представить как стратегию народного социально сориентированного устройства, то как можно пытаться убедить нищенское население страны в справедливости того, что ничтожные проценты общества купаются в этом «народном достоянии», а более 90% общества довольствуются его объедками со стола Чубайсов, Абрамовичей, Ротенбергов и других «радетелей» о благе народа .

Не видеть этого и не понимать этого нельзя, а если это так, то нас сознательно грабят. Катастрофическое расслоение общества – это страшнее Иеллоустонского вулкана.

С 1961 по 1981 годя я работал в системе комсомольских и партийных органов. 800 руб. – это зарплата (цены 60-х) 1-го секретаря Магаданского обкома КПСС. Три автомобиля: Газ – 69, «Волга», «ЗИМ» – для особых случаев. Рядовой бульдозерист на колымском прииске спокойно зарабатывал в месяц 1000 руб.

Я не берусь судить о зарплатах нынешних губернаторов. Да и можно ли называть зарплатами их многомиллионные денежные вливания, «золотые парашюты», «пенсии»? Каким же это непосильным трудом они это «зарабатывают»?

Где же это добыл деньги обаятельный и стеснительный Рома Абрамович – губернатор Чукотки. Как же, каким же титаническим трудом он заработал на строительство своей крейсер – яхты или покупку клуба «Челси». И почему это он не купил «Локомотив»?

Если всех этих сюжетов не хочет видеть руководство нашей страны, напрашивается вывод – ребята в доле !

А все вот эти многотысячные форумы, советы , симпозиумы... Это кому адресовано? Экономический эффект от этой буффонады – где он? Думаю, он в десятки раз меньше затрат на их организацию. Надо ли собирать международный экономический форум , чтобы на нем заключить потрясающей экономической эффективности контракт между двумя российскими предприятиями ? А СМИ это представили как сногшибательный успех. Да простит меня читающий, если таковой найдется, за эмоции...

Современные информационные технологии вернули меня в мертвый поселок Иультин ... Я смотрю на эти фото – и видеокадры, снятые храбрыми ребятами, которые смогли сегодня добраться туда. Преклоняюсь и «снимаю шляпу». А ведь мы там жили ... Сегодня, глядя на эти равнодушно снятые кадры киносъемок , я не могу сдержать слез... Откройте в интернете – Иультин , Чукотка... Тысячи тонн исковерканного металла, сотни многоэтажных домов с безжизненными пустыми глазницами окон, изуродованный бюст В. И. Ленина напротив дворца культуры, где был наш триумф.

И над всем этим мертвым, жестоким безмолвием высится гора из олова и вольфрама, гора , изъеденная во всех горизонтах штольнями, штреками, дучками, восстающими и ниспадающими . Гора, которая в жутком, космическом заброшенном безлюдье видится мне сегодня как погребальная Пирамида . Здесь навеки захоронен наш советский интернационализм, наше северное братство, наши мечты, наша молодость....

Нам больше не дано вновь успеть реализовать идеалы человечества . Нет ни времени, ни ресурсов ...

Я, Мулин Вячеслав Сергеевич – Иультинский РК ВЛКСМ.